промышленной жизни страны. Развѣ мы не читаемъ, въ самомъ дѣлѣ, отчетовъ объ огромномъ ростѣ чисто профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, напр., въ Англіи, обнимающихъ милліоны рабочихъ и насчитывающихъ десятками милліоновъ прибыли отъ своихъ потребительныхъ и кооперативныхъ предпріятій? Развѣ мы не читаемъ о томъ, какъ они вводятъ для своихъ служащихъ 8-ми часовой рабочій день, нормальную рабочую плату и пр.? Развѣ мы не читаемъ также о разныхъ третейскихъ камерахъ, устанавливающихъ „справедливую“ скалу рабочихъ платъ, опредѣляющихъ „справедливую“ норму капиталистической прибыли? Между тѣмъ, все это въ значительной степени чисто-оппортунистическое движеніе въ рабочей средѣ, несомнѣнно, развивается вмѣстѣ съ успѣшнымъ развитіемъ крупной капиталистической промышленности и ростомъ національнаго богатства, составляя одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей современнаго индустріализма. Такъ напримѣръ, въ Германіи, въ 1891 г., организованныхъ въ профессіональные синдикаты рабочихъ насчитывалось около 300.000 чел., а въ 1905 г. ихъ насчитывается уже 1.250.000 чел.; кассовая наличность этихъ синдикатовъ въ 1891 г. равнялась 161.000 руб. а въ 1903 г. она уже поднялась до 7.250.000 руб. Но при этомъ, вмѣстѣ съ такимъ ростомъ и процвѣтаніемъ, неизмѣнно повторяеся одно и то же явленіе — замѣчается нѣкоторый поворотъ въ сторону болѣе умѣреннаго, выжидательнаго направленія, въ сторону скорѣе реальной, чѣмъ революціонной политики. Такъ мы видимъ, что въ германскомъ соціалистическомъ движеніи уже начинаютъ возникать теперь серьезныя опасенія на счетъ общаго направленія дѣятельности этихъ рабочихъ синдикатовъ. „По мѣрѣ роста и развитія профессіональнаго движенія“ — читаемъ мы въ статьѣ бывшаго русскаго соціалъ-демократическаго органа „Пролетарій“ по поводу послѣдняго Кельнскаго профессіональнаго съѣзда — „начали раздаваться голоса, противопоставлявшіе *экономику политикѣ,* настаивавшіе на необходимости для профессіональныхъ союзовъ держаться въ сторонѣ отъ всякой политики, вести свою мелкую будничную борьбу съ хозяевами за мелкія „будничныя требованія экономическаго характера“. И эти голоса, какъ извѣстно, получили огромный перевѣсъ на Кельнскомъ съѣздѣ профессіональныхъ союзовъ; рѣчь представителя чисто-экономическаго направленія, нѣкоего Бемельбурга, сопровождалась тамъ почти непрерывными рукоплесканіями, а предложенная имъ резолюція, отвергавшая политическія стачки и даже осуждавшая самую

пропаганду ихъ, была принята почти единогласно. Интересно также сообщеніе другой русской соціалъ-демократической газеты, „Искры“, согласно которому „многіе изъ тѣхъ, которые на соціалъ-демократическихъ конгрессахъ вотировали антиберништейновскія резолюціи, теперь въ Кельнѣ почувствовали себя свободными отъ всякой догмы, отъ всякой ортодоксіи“ и „взяли реваншъ, отомстили соціалъ-демократіи за Ганноверъ, Дрезденъ и пр.“ — „Это, между прочимъ, обнаружило призрачность прежнихъ побѣдъ“ — прибавляетъ авторъ статьи (№ 101).

Мы взяли на удачу эти нѣсколько фактовъ, чтобы указать на то направленіе, какое могутъ принять и *дѣйствительно принимаютъ* сами рабочія организаціи при условіи успѣшнаго развитія капиталистической промышленности. Разъ только уничтожена та предпосылка, согласно которой развивающіяся силы капитала обрушиваются на экономическое благосостояніе самого буржузнаго общества и подрываютъ ростъ національнаго богатства, то тѣмъ самымъ уничтожается также и главная экономическая основа той аргументаціи, которая строитъ соціалистическій переворотъ исключительно на успѣшномъ развитіи крупнаго капиталистическаго производства. Теоретическая формула этого построенія: чѣмъ дальше по пути безпрепятственнаго и всесторонняго развитія капитализма, тѣмъ ближе къ соціалистическому перевороту, оказывается подточенной въ такомъ случаѣ въ одномъ изъ своихъ главныхъ устоевъ самымъ ходомъ экономической жизни: мѣсто прежняго революціоннаго содержанія, экономическая практика подставляетъ въ эту формулу свое болѣе или менѣе оппортунистическое содержаніе, заключающееся въ упроченіи буржуазной собственности, въ разслоеніи рабочихъ массъ и въ улучшеніи экономическаго положенія наиболѣе организованной части ихъ. Съ этой фактической поправкой не обходимо серьезно считаться; нельзя о ней забывать и оставлять лишь за одною частью когда-то цѣльной и нераздѣльной концепціи ея прежнее рѣшающее значеніе.

Здѣсь не лишнее напомнить, наконецъ, что первоначальная, старая концепція научнаго соціализма понесла также еще одинъ уронъ, при столкновеніи съ дѣйствительнымъ ходомъ экономической эволюціи, поскольку она была разсчитана на распространеніе крупной формы капиталистическаго производства на *всѣ* главныя отрасли промышленности, — такъ какъ оказалось, что ей не доступна значительная часть сельско-хозяйственнаго производства, остающаяся въ рукахъ средняго и мелкаго крестьянства.